
Емилиан ЛАШИН

* * *

Парят над яблоневым садом
в болоньевых нарядах небеса!
И — пенье херувимов где-то рядом —
их изумленные слышны мне голоса.

Сверкают крылья бледным изумрудом,
ребром серебряным — огранкою луны.
И веришь в чудо, мальчик мой, покуда
скользит сквозь сито звездное стены

открытый космос и косматый котик
прилежно моет мордочку свою...
О, как скудеет оболочка плоти,
когда стоишь у бездны на краю,

уже не помня, кто ты и откуда,
еще за трудным вдохом — непростой,
но все же — выдох! И звенит посуда,
тревожа нежный сумрак золотой

прилежной жизни. Может статься, к ночи
полегче станет? И седой сверчок,
у старой печки отогрев бочок,
тебя от горькой смерти отстрекочет.

* * *

Нам небеса так много нашептали друг о друге,
что мы увидели друг друга в небесах,
где пасха красная, налаживая струги,
неслась на белоснежных парусах

и восходила светом парусины —
обетованным, нежным, золотым —
мы ни о чем друг друга не просили,
пока смолой прозрачной не застыл

Емилиан Владимирович Лашин родился в 1961 году в Ленинграде. Учился на историческом факультете ЛГУ. Стихи писал с детства, был участником конференций молодых поэтов Северо-Запада. Лауреат премии «Поэт года-2015» (Москва). Автор четырех поэтических и трех прозаических книг. Постоянно публиковался в международном журнале «Крещатик». Живет и работает в Санкт-Петербурге.

огонь горячий и незрячий ветер
не постучал в строптивное окно —
нам упрекнуть друг друга было нечем,
иначе упрекнули бы давно...

И новый день вставал такой наивный,
как не дарованное свыше нам дитя.
И новый век смотрел на нас призывно,
вздывая белый всепрощенья стяг...

* * *

Так жизнь стремительна живая,
что перед нею застываю
в янтарном изумленья я,
осмыслить еле успеваю
крутые повороты бытия.

Не сам хожу — ведут меня ведуньи,
а сбоку рожи корчат ведьмаки...
И не могу сказать, на что похожи
серебряные будней плавники.
Исчезло время, и как будто —
все только длинный странный день,
а может — вечности минута —
как будто прыгнул с парашютом,
утратив собственную тень.
И, став немного невесомым,
не помнишь, где ты был вчера
и кто (мучительно знакомый!)
беседу вел с тобою до утра,
пока ветра настырные трубили
в пустыне стылых улиц городских,
и жалобой утробной голос их
срывался с крыш и камнем вниз летел,
но мимо наших невесомых тел,
не обращаясь вовсе ни к кому —
в столь беззащитной беззаветной силе.
Он падал в мир, где мы когда-то были,
который с изумлением любили —
до слез, невидимых ему...

* * *

Звено, связующее звон
вязальных спиц, сакральное мерцанье
лица вполоборота, на амвон
ступившего нечаянно, как пристань —

последнего пристанища ища,
купели зыбкой искупленья
с улыбкой смутною оленьей
в объятиях еловой лени —
прости, прощая, и — прощай!
Ищи-свищи ночные тени
в смятенном трепете зари,
где возводили в степени ступени
степных кумиров, что не сотворил —
не раз, не два, не три —
замри фигурой исступленной,
невыносимой зеленью морской
перед небесной камерой обскура,
перед сердечной смертною тоской
неясью, неясным очертаньем
прозрачных рук, что упадают ниц
в безмолвном приближеньи нарицанья
вещей неназванных, как звенья,
связующие тонкий звон
вязальных спиц в сакральном их мерцанье,
зеркальным светом падшим на амвон...

* * *

Вот писатель Жиль Делёз.
Он довел меня до слёз
книгой, где страницы выцветшие
повествуют о несчастьях Ницше,
тела скорбящего арестанта.
Может, для успокоения вящего
почитать мне на ночь Канта?
Или по старой привычке
раннею электричкою
махнуть в Приозерск или Выборг?
Слоняться, подобно бездомным собакам,
смотреть на плывущие облака...
какое счастье, однако,
что есть еще выбор
пока.

* * *

Бессмертника песчаного цветки,
ладони колкие крапивы ли двудомной —
весь этот мир, потешный и укромный,
в лоскутном сновидении сотки

мне, ангел мой! И — пусть продлится
мой сон в безвременье времен,
и лица близких нежной вереницей
застынут вересковым янтарем

в прозрачной памяти. И боль мою латая
на хрупких пальцах солнечных лучей,
пусть ангел мой останется ничей,
капустницей простою пролетая...

* * *

Удилище уд
и судеб ледяная прохлада,
усадеб сады
и ранеток румяных отрада,
инаковость знаков
и крыльев крутой иероглиф,
и ветер сырой,
от которого руки продрогли,
бескровных небес
водяная, как зрак, синева
и росчерком горьким
скрипучих ветвей тетива,
речные пороги,
грунтовки неверная зыбь,
оскомина севера —
скромная серая выпь,
я выпью до дна
ваше варево,
кровью утрусь!
Чернушкой хромою подарена,
как Аввакуму от барина,
крещеного хана-татарина,
мне моя нищая Русь.